

На пути творческих поисков

Спектакли Красноярского
драматического театра

ЗАКОНЧИЛИСЬ гастроли Красноярского театра имени А. С. Пушкина. Тепло встреченные московским зрителем, они наглядно показали, что в Сибири, наряду с такими известными театрами, как, например, «Красный факел», сложились и другие серьезные творческие коллективы. Одним из них является Красноярский краевой театр. Ему, например, принадлежит первый опыт современной сценической интерпретации такого сложного произведения, как роман Ф. Достоевского «Преступление и наказание» (инсценировка С. Радзинского). Уже один этот спектакль определяет серьезность намерений театра, его стремление к решению больших творческих задач.

Может быть, не со всем можно согласиться и не все можно принять в этой сложной и трудной работе театра. И все же главное, основное — трагедия Раскольникова и Сони Мармеладовой, Авдотьи Романовны, Пульхерии Александровны находит глубоко драматическое выражение в спектакле. Правда, при переводе романа в драму оказалось много потерь. Как это бывает часто в инсценировках, герои Достоевского иногда действуют

слишком быстро, без достаточной психологической мотивировки. Это отчасти лишает спектакль той обстоятельности, стройности, многоплановости, которыми так богат роман. Тем не менее режиссер (А. Дунаев) и многие исполнители сумели воссоздать трагическое напряжение, которое с такой большой силой чувствуется в этом шедевре русской литературы. В спектакле ясно звучит тема безысходной судьбы простых людей в капиталистическом обществе.

С какой прозрачностью чувств и трепетностью переживаний и вместе с тем как скромно и изящно играет Сони Мармеладову О. Байкалова.

И режиссер, и исполнительница доказывают, что эта девушка, не мудрствуя лукаво, действительно живет по законам сердца, по законам любви к людям. И это явственно звучит в спектакле, несмотря на то, что в нем несколько затупеван истинный замысел Достоевского, — противопоставление разума и сердца, рассудка и чувства. Сближение Раскольникова с Соней — это по Достоевскому капитуляция разума в пользу сердца, признание прозрачности силы человеческого со-

знания. Ведь это-то в конечном счете и заставляет Раскольникова идти в полицию и признаваться: «Это я убил тогда старую чиновницу и ограбил».

Образ Сони, созданный О. Байкаловой, — один из самых близких роману.

Весьма выразителен Порфирий Петрович в исполнении А. Сергеева. Чуть приглушенный звук его голоса, некоторое однообразие интонаций, мягкость обращения как нельзя лучше оттеняют законченный портрет умного, прозорливого, тонкого психолога-следователя, упорно и последовательно подтверждающего свои догадки и предположения. Цельное впечатление оставляет Г. Раменская в роли Авдотьи Романовны. В ней мы чувствуем органическое переплетение воли и бессилия, любви и ненависти. Полна драматизма сцена встречи Авдотьи Романовны и Свидригайлова. Последнему, правда, не повезло в спектакле. Свидригайлов не так прост, как это показалось автору инсценировки. Да, Свидригайлов, темный пружигатель жизни, во многом негодяй. Но показать только это — значит упростить образ. К сожалению, исполнителю этой роли П. Словоцову не удалось углубить ее.

С большой достоверностью играет роль Пульхерии Александровны А. Сиротина. К актерским удачам отнесем и образ Мармеладова (В. Мерецкий), Заметова (Н. Тяк), поручика Пороха (В. Цапаев). С большинством исполнителей этих ролей мы еще встретимся в других спектаклях.

Как же играет Н. Федоров центральную роль Раскольникова? В чем сердцевина этого сложного и противоречивого характера? Надо признать, что весь психологический рисунок образа сделан артистом точно, графически четко. Но вот беда — эта четкость приглушает эмоциональные краски, разнообразие чувств и переживаний героя. Федорову часто мешает излишняя напряженность в игре, недо-

статок светотеней образа. Ведь было же у Раскольникова стремление уйти от страшных мыслей, вырваться из круга мучивших его размышлений! Недостаточное раскрытие актером этой внутренней борьбы и является результатом некоторой стесненности в его игре, однотонности реплик, монологов, диалогов. Освободиться от этого — значит верной тропой подойти к самой сущности образа. Пока это еще не достигнуто.

И все же спектакль многим (в том числе и игрой Н. Федорова) увлекает, захватывает. Есть в нем дыхание гения Достоевского, есть подлинная увлеченность исполнитель, есть ясность режиссерского замысла, верность зрительного образа старого Петербурга — города трущоб, нищеты, человеческого горя (художник Г. Волков).

Еще большая чистота и стройность ансамбля присутствуют в таких гастрольных спектаклях театра, как «В добрый час!» и «Сын Рыбакова». Правда, их легче играть. Кроме того, здесь присутствует наша современность, герои близки нам по мыслям, чувствам, стремлениям.

В «Сыне Рыбакова» мы снова встретили вдумчивого, умеющего убеждать ясностью артистического замысла А. Сергеева в роли Рыбакова-отца. Свежо, с большой любовью и строгостью к людям играет роль тети Кати А. Сиротина. С неожиданной стороны раскрывается дарование артиста Н. Тяк. Он еще раз порадует нас в спектакле «В добрый час!» (Афанасий).

В том же спектакле заинтересовывает дарование молодого артиста В. Бомбенкова, правдиво (особенно во второй половине спектакля), с верным ощущением стиля пьесы играющего роль Вани Рыбакова. Главное в его игре — простота и естественность в раскрытии психологических переживаний героя. Но актер бывает и небрежен. Он часто «просыпает» слово, не четок в мизансценах, иногда безразличен к от-

делке игровых деталей, психологических нюансов. Свободно и непосредственно возникает у В. Бомбенкова образ Алексея («В добрый час!»). Но и в этой работе заметно некоторое невнимание к дикции и жесту. При большей взыскательности к своей работе, В. Бомбенков, несомненно, обещает вырасти в значительную актерскую индивидуальность.

Очень мила и естественна И. Скакунова в роли Кати, сверстницы Алексея. В том же спектакле с тонкой иронией к своей героине играет М. Вольская (Анастасия Ефремовна). И полное наше восхищение вызывает игра В. Соловьева в роли Андрея. У Соловьева существуют та легкость, непринужденность, естественность и многообразие интонаций, которые так обогащают, расцвечивают образ и делают легким его восприятие зрительным залом.

О. Байкалова, порадовавшая нас в инсценировке Достоевского, несколько разочаровала в ролях Лизы («Сын Рыбакова») и Гали («В добрый час!»). В игре артистки неожиданно появились искусственность, наигранность, — все то, что идет от дурного, примитивного шаблона.

Как видим, в Красноярском театре немало серьезных, талантливых актеров, которые вместе с режиссурой могут создавать интересные, волнующие спектакли, вызывать у зрителя смех и слезы, улыбку и чувство сострадания к героям. Эти спектакли, несмотря на отдельные неровности, отмечены значительным уровнем сценической культуры.

Все это говорит о той степени напряженности творческого труда, о том искреннем энтузиазме коллектива, которые столь необходимы подлинному искусству.

В. Залесский.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Преступление и наказание». Соня Мармеладова — артистка О. БАЙКАЛОВА, Раскольников — артист Н. ФЕДОРОВ. Фото А. ГЛАДШТЕЙНА.